

В XIX веке «новые русские» бизнесмены, заработавшие капиталы, перенимали традиции дворянства, не желая отставать от аристократии

Чем на Руси купцы любили помериться

АВТОР: Галина УЛЬЯНОВА

Доставляют ли удовольствие богатство и роскошь, если не перед кем их показать? Ответ очевиден: не доставляют. Культ роскоши в России сложился двести лет назад. XIX век дал такие образцы бытовой неги, которые уже, видимо, и превзойти нельзя. Ностальгией по ним были пропитаны все переживания русской эмиграции. Это действительно была та Россия, «которую мы потеряли», причем безвозвратно.

Министр императорского двора генерал Мосолов, ведавший всеми придворными церемониями, вспоминая балы и светские приемы великолепного Петербурга, в 1930-х годах писал: «Я участвовал в балах трех царствований (Александра II, Александра III и Николая II — *Прим. автора*), так что могу говорить о них с полным знанием дела. <...> Дамы должны быть в «русских» платьях со шлейфами. Платья и кокошник, разумеется, могут быть украшены драгоценными камнями в зависимости от степени богатства соответственной особы. В этом отношении приведу как пример, который меня как-то поразил, — госпожу Зиновьеву,

жену предводителя дворянства одного из уездов Петроградской губернии: она носила в виде пуговиц девять или десять изумрудов, величиной каждый с голубиное яйцо».

А вот описание другой дамы — генеральши: «Платье с пайетками облегает ее, как статую. Диадема в два ряда крупных бриллиантов («павэ») украшает ее русые волосы. На лбу сверкает бриллиант. Бриллиантовое ожерелье, декольте окружено цепочкой с большим цветком из тех же камней на спине, другие две цепи бриллиантов брошены через плечи и сходятся у броши».

Вывод старого генерала-министра радует и даже наполняет гордостью, хотя

мы далеки (и по происхождению, и по времени) от этого богатства: «Когда я смотрю фильмы, изготовленные в Голливуде и изображающие будто бы великолепие русского двора, мне хочется смеяться».

Русские богачи наряжали не только себя, но и украшали окружающее пространство — дворцы, особняки, усадьбы. Они следовали за модой в мире недвижимости и интерьеров, они же и создавали эту моду. Правда, частенько мода выходила боком. Знаменитое русское гостеприимство разорило немало дворянских гнезд. В начале XIX века в зажиточных семьях считалось нормальным, чтобы за стол ежедневно садились обедать 40–50 человек: хозяин с домочадцами, друзья, знакомые, приживалки. Такое хлебосольство для многих стало совершенно непосильным, когда после отмены крепостного права в 1861 году стал исчезать дармовой крестьянский труд по обслуживанию помещичьих семей.

Князь С. Е. Трубецкой писал: «У нас «широкими» должны были быть даже далеко не богатые помещичьи семьи, и общественное мнение принуждало к «широте» даже скупых людей». В результате вынужденное хлебосольство приводило к известной пушкинской формуле: «Давал три бала ежегодно и промотался наконец».

Это сейчас мы принимаем гостей в тех же комнатах, где и живем — смотрим телевизор, ужинаем, работаем за компьютером. Не так было раньше. Пространство богатого дома имело две половины. На одной — «парадной» — принимали гостей, на другой — «повседневной» — протекала ежедневная жизнь. Парадная половина стояла в неприкосновенности и открывалась для посещения и обозрения несколько раз в год.

Главным был зал (или, как говорили раньше, зала): тут танцевали и накрывали столы во время больших банкетов. В архитектурном руководстве 1836 года говорилось: «Зала принадлежит к числу парадных комнат, где принимают гостей; здесь-то надо развернуть все богатство и роскошь». Зал мог быть огромным — в некоторых богатых дворцах их площадь достигла 350 м². Дорогие зеркала, кресла и стулья размещали по стенам, чтобы дать простор для танцев.

Сквозь распахнутые двери зала открывался вид на анфиладу комнат. В конце анфилады часто ставили большое зеркало — так создавался эффект бесконечности. Наряду с парадными гостиницами, где гости могли беседовать, кавалеры — курить, любители виста и преферанса — играть в карты, имелась и парадная спальня. В такой спальне никто

спал, — она давала гостям представление о стиле жизни дома, была свидетельством «большого тона», поводом продемонстрировать архитектурные пристрастия. Роскошная постель с балдахином стояла на возвышении или, наоборот, в нише. Вокруг помоста с кроватью располагались статуи и вазы с цветами на резных деревянных подставках, изящные туалетные столики, кушетки и диванчики.

Архитектурное руководство 1836 года поясняло: «Будуар есть храм спокойствия, это часть дома, посвященная любви. Он должен быть украшен богатыми обоями, зеркалами и статуями». Шло время... XIX столетие близилось к концу. Традиции дворянства перенимали «новые русские» XIX века, заработавшие капиталы и не желавшие отставать от родовой аристократии. Например, в московском доме сибирского золотопромышленника

Русские богачи наряжали не только себя, но и украшали окружающее пространство – дворцы, особняки, усадьбы. Они следовали за модой в мире недвижимости и интерьеров, они же и создавали эту моду

Василия Михайловича Сабашникова на Большой Никитской на первом этаже размещалась анфилада парадных комнат, включавших две гостиницы и зал в египетском стиле, где «на колоннах с капителями в виде цветков лотоса и черными цоколями были вырезаны барельефные пестрые изображения и иероглифы». Эти помещения использовались два раза в год во время больших приемов. Когда гостей было немного, они могли лицезреть два прекрасных

Когда гостей было немного, они могли лицезреть два прекрасных

Столовая на даче И.В. Морозова в Петровском парке. Архитектор Ф. Шехтель

интерьера — кабинет и столовую. Большой кабинет хозяина был из резного черного дуба, а стены выдержаны в считающихся приличными для кабинета темно-зеленых тонах. Для уюта топили камин (в России камины устраивали для красоты, а не для тепла). В кабинете, на нижней открытой полке резного дубового шкафа, стоял своеобразный «талисман» сабашниковского дела — большой кожаный мешок, в котором хранился золотой песок с сибирских приисков.

Столовую оформили в модном в последней четверти XIX века русском стиле: резная мебель, вышитые

мейными портретами. Недостаток семейных портретов и подлинных фамильных вещей с успехом компенсировали приобретенные за огромные деньги коллекционные предметы — мебель, статуи, гобелены.

В блестящем Петербурге, где особенно трудно было удивить знатоков роскошью и вкусом, в начале XX века тем не менее приобретали известность нетитулованные эстеты, вкладывавшие богатства и душу в создание интерьеров. Знаменитый петербургский любитель изящного и балетоман Анатолий Шайкевич был сыном крупного банкира Ефима

лял собой тогдашнее элитное жилье.) Одно только описание этой почти восемьдесят лет не существующей квартиры вызывает бурю эмоций.

Одна гостиная была обставлена антикварной мебелью карельской березы в стиле ампир (возраст мебели — более века). На столике изящно лежала вещица, принадлежавшая Пушкину.

В другой гостиной мебель была древнее — XVIII век, венецианская работа: «Приземистые золоченые кресла со спинками и сиденьями в виде перламутровых раковин, витрина, подобной которой нет и в Венеции, мебель, черномазые фигуры перед камином, рамы, зеркала, люстра и даже картины, — все было сделано из перламутра, ракушек и позолоченного резного дерева».

В квартире была анфиладная система, чтобы попасть из одной гостиной в другую, надо было пройти через кабинет, украшением которого являлись огромный письменный стол, шкаф (опять же итальянской работы, но еще более ранней — начала XVII века) и музыкальные инструменты — рояль «Стейнвей» и старинная виолончель.

Следующим помещением была просторная столовая: ее стены были синие, а шелковые портьеры на окнах и дверях — темно-красные. Здесь мебель была времени Петра I и подлинной голландской работы — красного дерева громадных размеров буфет, большой стол. (Кто был в Амстердаме — мог видеть такое в главном голландском «Рейксмузеуме»). Над камином висел портрет Екатерины II в полный рост, а по стенам — натюрморты голландских и итальянских мастеров, в том числе признанное экспертами одно из немногих полотен великого художника эпохи Возрождения Джорджоне.

Далее шел зимний сад, за ним — библиотека, помещавшаяся в круглом зале с белыми колоннами на фоне стен, обтянутых красным шелком. Поражала воображение гостей спальня: она когда-то принадлежала императрице Екатерине II. Рядом находились гардеробные, а также мраморная ванная в античном стиле: мозаичные полы и стены, а вода текла «прямо из стены — из пасти льва,

Гости на свадьбе Николая Прохорова («Трехгорная мануфактура») и Лидии Ушковой (химические заводы) в особняке Прохоровых в Подсосенском переулке

скатерти, повсюду полотенца с петушками, якобы крестьянская посуда с надписями «хлеб да соль», «кушай на здоровье». Перенасыщенность множеством предметов у некоторых утонченных натур вызвала впечатление ужасной безвкусицы, но стиль этот живуч до сих пор (подзоры-рушники, кадучки-сундуки, трактир «Елки-палки»).

Обычно на первом (цокольном) этаже размещались хозяйственные службы (кухня, прачечная, комнаты прислуги, кладовки), на втором — парадные комнаты, на третьем — жилые комнаты хозяев, детей, других членов семьи (бабушек-дедушек, прочих родственников).

Подражая аристократам, нувориши-купцы украшали гостиные се-

Григорьевича Шайкевича. Отец благодаря своему тихому еврейскому упорству и трудолюбию стал директором Петербургского международного банка и председателем правления «Всеобщей компании электричества». Сынок пошел по стезе неги и наслаждения гармонией. Анатолий, окончивший два факультета, досконально знал искусство и философию, по словам восхищенной современницы, «был блестящим собеседником, эгоистом и игроком», «запомнил и изучил каждый камень Италии».

Все свободное от путешествий время Анатолий Шайкевич посвящал созданию уникального интерьера своей квартиры на Кронверкском проспекте. (Этот доходный дом, № 5, построенный в 1913 году, представ-

увенчанной позолоченными кранами». Из окон ванной открывался изумительный вид на Неву и Летний сад на другом ее берегу.

По всему фасаду многокомнатной квартиры тянулась терраса, куда гости могли выйти в теплую погоду полюбоваться на виды Дворцовой набережной на противоположном берегу Невы, Троицкий мост, особняк балерины Матильды Кшесинской, здание мечети, изукрашенное синегризовым орнаментом.

Подражая аристократам, нувориши-купцы украшали гостиные семейными портретами. Недостаток подлинных фамильных вещей с успехом компенсировали коллекционные предметы – мебель, статуи, гобелены

Москва тоже не дремала. Архитектурными достоинствами славились особняки Зинаиды Морозовой на Спиридоновке и Александры Коншиной на Пречистенке. И Коншины, и Морозовы заработали свои миллионы на изготовлении текстиля. Товар был самый ходовой — коншинские хлопчатобумажные ткани славились высоким качеством, за что получили право изображения государственного герба на изделиях. Уроженцы подмосковного Серпухова и владельцы четырех гигантских фабрик там же, Коншины развернулись вовсю: устроили под Кокандом и Бухарой плантации хлопчатника с хлопкоочистительными заводами, активно торговали с Персией, устроив свои склады продукции в Тегеране.

В 1865 году Коншины купили на аристократической Пречистенке у князя Гагарина усадьбу с садом (Пречистенка, 16, где теперь находится московский Дом ученых) — именно тогда, в 1860–1870-х годах, дома знатного дворянства постепенно стали переходить в руки экономически крепнущего купечества. К 1914 году среди домовладельцев Пречистенки числились такие магнаты, как химические фабриканты Ушковы, текстильный фабрикант и меценат Иван Морозов, «булочник» Филиппов.

Хотя занятие-то у Коншиных было «купецкое», они, подав заявление

куда надо, получили в 1882 году потомственное дворянство «в воздаяние заслуг на поприще отечественной промышленности в течение 200 лет» и сравнялись с аристократами.

В 1898 году миллионер Иван Николаевич Коншин скончался. Его вдова Александра Ивановна (детей у супругов не было) получила после смерти мужа колоссальное имущество, оцененное более чем в 10,5 млн руб. (\$210 млн нынешних). Пережив мужа на 15 лет, она предалась мо-

литвам и общению с близкими родственниками и друзьями, для которых в особняке на Пречистенке устраивались музыкальные вечера и дружеские обеды.

В 1910 году была предпринята радикальная перестройка особняка архитектором Гунстом, после чего дом 72-летней Коншиной превратился в один из самых шикарных особняков в Москве. После перестройки стоимость владения оценивалась в 193 193 руб., в том числе двухэтажного особняка — 92 802 руб. На первом и втором этажах было по 15 комнат. На втором этаже помещались парадные, а также комнаты хозяйки и две комнаты для ее прислуги. Общая

площадь каждого этажа составляла около 800 м².

Прекрасно представляя, что пресыщенную московскую публику удивить непросто, Александра Ивановна выбрала стиль классической роскоши. Богатая лепнина потолков, причудливые люстры, изумительный наборный паркет (в ряде помещений сохранившийся до сих пор), — все это дарило благочестивой вдове ощущение праздника последние четыре года ее жизни. Бальную залу отделяла от музыкального салона колоннада, и таким образом можно было устраивать настоящие большие концерты. Для любителей покурить были устроены «мужские кабинеты» с комфортными диванами и приглушенным светом.

Оазисом считался зимний сад, где среди живых тропических растений стояли театрально расставленные мраморные статуи в античном стиле, а огромное окно, занимавшее почти всю стену, выходило в палисадник, отделявший особняк Коншиной от проезжей части Пречистенки.

В доме была современная техника — водопровод, канализация и даже специальная система вытяжных пылесосов через вентиляционные отверстия. Эти новинки в обустройстве жилья становились приманкой для многочисленных гостей. С шиком была устроена и ванная (сантехнику по традиции привозили из Англии): как и в других богатых особняках, тут имелось специальное устройство для подогрева простыней, в которые оборачивались после водных процедур.

Зимний сад в особняке Коншиной на Пречистенке (сейчас — Дом ученых).
Архитектор А. Гунст

Гостиная в особняке Коншиной на Пречистенке (сейчас — Дом ученых). Архитектор А. Гунст

Чаепитие в доме московского художника И.С. Остроухова (второй справа). Второй слева — знаменитый певец Федор Шаляпин

Детский праздник в доме М.П. Красильщикова на М. Дмитровке. Интерьер столовой по проекту А. Бенуа и Е. Лансере

Дом Коншиной удивляет и сейчас, хотя очень многое из его интерьеров потеряно безвозвратно. Но можно попасть в бывший зимний сад, где находится дешевый ресторан (по членским книжкам доступны цены школьной столовой и аналогичное удовольствие), если не заперты двери — полюбоваться на балльную залу, где еще сохранились изящные антикварные столики для виста.

Еще один великолепный московский особняк находится в лабиринтах староарбатских переулков — на Спиридоновке. Созданный в англоготическом стиле по проекту великого архитектора Шехтеля, он был призван поражать всяк сюда входящего. Задачу эту он выполнял и при своих первых хозяевах — Савве и Зинаиде Морозовых, решает и теперь, являясь Домом приемов Министерства иностранных дел России и, так сказать, давая иностранному высокому guestу (будь то глава государства или посол) представление о парадной стороне русского гостеприимства.

К внутреннему убранству особняка на Спиридоновке не притерется и самый строгий эксперт: проектировал внутреннее пространство Федор Шехтель. Подчеркнуто элитарные интерьеры напоминали театральную декорацию. Разрабатывая их, Шехтель выполнил около 600 чертежей. Архитектор проработал все до мелочей: по его эскизам изготавливались люстры, перила, торшеры на лестнице, дверные ручки.

Художественные работы принадлежат Михаилу Врубелю (он написал для малой гостиной три панно: «Утро», «Полдень» и «Вечер»); деревянные резные панели, которыми дом облицован изнутри, как драгоценная шкатулка, заказывали лучшей московской фирме — фабрике художественной мебели Шмидта; бронзовые скульптуры для украшения лестниц отливали на фабрике Вишневских. И Шмидт, и Вишневские были поставщиками двора Его Императорского Величества.

Строили и отделывали дом более четырех с половиной лет, в том числе еще год после официального новоселья в 1897 году, когда 35-летний хозяин и 30-летняя хозяйка радушно принимали гостей. В доме площадью более 1 тыс. м² располагалось несколько гостиных, столовая, кабинет хозяина, спальня, будуар, детские (у Морозовых было четверо детей), бильярдная, гимнастический зал, комнаты гувернеров. Комнаты управляющего, прислуги, а также все подсобные службы — электростанция, ледник, погреба, прачечная, гладильная, конюшни — были размещены в специальном флигеле, который соединялся с главным домом подземным переходом.

В этот дом стремились попасть все москвичи. Князья и графы не считали зазорным посетить прием у «купцов» Морозовых — лишь бы только посмотреть на шикарную диковинку.

Сын первого московского городского головы (современным языком — мэра) молодой князь Сергей Щербатов писал: «У моего отца до старости сохранилось почти юношеское любопытство к новым интересным явлениям жизни. Таким интересным явлением был вновь выстроенный дворец огромных размеров и необычайно роскошный, в англоготическом стиле, на Спиридоновке богатейшего и умнейшего из куп-

цов Саввы Тимофеевича Морозова. Я с отцом поехал на торжественное открытие этого нового московского «чуда». На этот вечер собралось все именитое купечество. Хозяйка, Зинаида Григорьевна Морозова, вся увешанная дивными жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием. Тут я увидел и услышал впервые молодого и еще довольно застенчивого Шалаяпина, тогда еще только восходившее светило, и Врубеля, исполнившего в готическом холле отличную скульптуру из темного дуба и большое витра (расписанное окно, цветная стеклянная мозаика — *Прим. ред.*)».

Савва Морозов не случайно выбрал стиль английской готики: после окончания Московского университета он работал над диссертацией по химии (необходимой для технологии окраски тканей) в Кембридже, часто бывал в центре британской текстильной промышленности — Манчестере, где видел неоготические дворцы текстильных магнатов.

Морозовы в отличие от прежних богачей постоянно использовали парадные помещения для шумной светской жизни. В свежих особняках российской буржуазии парадные комнаты запирались все реже. Бизнесмены отказываются жить в крохотных мезонинах и антресолях и заказывают архитекторам свои спальни и кабинеты на вторых этажах особняков — лучших по расположению. Теперь ценится каждодневный комфорт.

В блестящем Петербурге, где особенно трудно было удивить знатоков роскошью, в начале XX века приобретали известность нетитулованные эстеты, вкладывавшие богатства и душу в создание интерьеров

Один домовладелец стремился перещеголять другого. В путеводителе «По Москве» 1914 года отмечалось, что особняки московских магнатов, построенные в 1880–1890-х годах, «удовлетворяя всем запросам комфорта и вкуса их обитателей, носят весьма разнообразные стили, доходящие до причудливости». Дом Арсения Абрамовича Морозова на Воздвиженке (сейчас Дом друж-

Гостиная в особняке Саввы и Зинаиды Морозовых на Спиридоновке (сейчас — Дом приемов Министерства иностранных дел России). Архитектор Ф. Шехтель

бы народов) построен в стиле испанских замков. В готическом стиле спроектированы особняки Морозова на Спиридоновке, «фарфорщика» Кузнецова на 1-й Мещанской (проспект Мира, 43, проект Ф. Шехтеля), барона Кнопа в Колпачном переулке (сейчас дом 5, архитектор К. Трейман).

В русском стиле — особняки Игумнова на Б. Якиманке, 43 (сейчас французское посольство), Цветкова у храма Христа Спасителя (Пречистенская наб., 29, ныне военный департамент посольства Франции, архитектор В. Васнецов), Щукина на Пресне (М. Грузинская, 15, теперь Биологический музей).

Дом Солдатенкова на Мясницкой, 37 (известная в советское время Ставка Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, затем — прием-

В 1903 году в Петербурге два молодых москвича-миллионера — уже упоминавшийся князь Сергей Щербатов и сын железнодорожного магната Владимир фон Мекк (им было соответственно 28 и 25 лет) — организовали выставку «Современное искусство», где желающие могли увидеть полные художественные интерьеры «образцовых» комнат. Будуар делал Бакст, чайную комнату — Коровин, светелку — Головин. Устройство выставки обошлось Щербатову в 100 тыс. руб. (в переводе на нынешние деньги \$2 млн). Столовую проектировали два художника, славящихся рафинированным вкусом, — Александр Бенуа и Евгений Лансерэ.

После закрытия выставки эту столовую купил и смонтировал в своем особняке на Малой Дмитровке московский текстильный фабрикант Красильщиков.

Хороший дом следовало наполнить активными увеселениями. Гостей собирали человек по 50, а иногда и 200. В последнем случае вызывали наряд полиции — подежурить перед домом, чтобы не случилось столпотворения.

Вот в таких, подобных дорогим оправам, интерьерах и текла жизнь. Театральность интерьера предоставляла владельцу недвижимости шанс сделать существование ярким и интересным. Вот почему эпоха богатых особняков одновременно явилась эпохой ярких и затейливых костюмированных балов, шумных свадеб, многолюдных детских праздников. Так недвижимость дарила и усиливала радость жизни, которую было не грех выставить напоказ. ■

ная министра обороны), был устроен в греческом стиле (хотя имелась поражавшая посетителей «арабская диванная»), а дом графини Олсуфьевой на Поварской, 50 (сейчас Дом литераторов), — в стиле времен короля Франциска I.

Интерес к интерьерам в начале XX века стал столь серьезным, что художники представляли их на выставках как произведения искусства.